

Черкесское восприятие Османской империи: «турецкие» сюжеты в трудах Султана Хан-Гирея

Марат Н. Губжоков*

Резюме

Образ Османской империи – ближайшего соседа, могущественного мусульманского государства, политического и торгового партнера, традиционно занимал весьма важное место в картине мира черкесов (адыгов). Эти представления нашли свое отражение и в научных работах, литературных произведениях и политических проектах черкесской интеллектуальной элиты XIX века. Одним из ее выдающихся представителей является Султан Хан-Гирей, нарисовавший в своих трудах неоднозначный и зачастую противоречивый образ державы Османов.

«Турецкие» сюжеты, которыми наполнены произведения Хан-Гирея – свидетельство значимости османского фактора в общественно-политической и экономической жизни Черкесии на протяжении столетий. В то же время, выбор и интерпретация этих сюжетов обусловлены уникальностью жизненной и творческой биографии самого Хан-Гирея. Ведь многие из его сородичей – осевших в Черкесии выходцев из клана крымских Гиреев, верно служили османским султанам. С другой стороны, удивительная многоликость образа Османского государства в трудах Хан-Гирея объясняется «многослойностью» его сознания, в котором воедино сплелись идентичности не только этническая и фамильная, но и религиозная и гражданская (общероссийская), служебная и сословная. В итоге современная ему османская история и ее знаковые персонажи воспринимались им главным образом через призму собственного политического опыта, а также с точки зрения

* Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела этнологии и народного искусства, Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований (Россия) (Candidate of historical sciences, Leading Researcher, Department of Ethnology and Folk Art, Adygei Republican Institute of Humanitarian Studies, RF). marat_gubjok@mail.ru

тех ролей, которые он для себя предназначал – администратора и реформатора российского Кавказа.

Ключевые слова: черкесы (адыги), Турция, Османская империя, Хан-Гирей, идентичность.

The Circassian perception of the Ottoman Empire: ‘Turkish’ motifs in Sultan Khan-Girey’s writings

Marat N. Gubzhokov

Abstract

In the Circassian worldview, the Ottoman Empire, their closest neighbor, traditionally occupied a very important place and cast an image of a powerful Muslim state, as well as a political and trading partner. The Circassian intellectuals of the 19th century reflected on the Ottomans in scholarly works, fiction, and policy papers. This article analyzes the writings of Sultan Khan-Girey, a prominent Circassian scholar, writer, and politician who in his works projected ambiguous and contradictory images of the Ottoman Empire. His works have many ‘Turkish motifs’ that demonstrate how significant the Ottoman factor was in the social, political and economic life of Circassia for centuries.

On the one hand, the selection and interpretation of those motifs reflect the uniqueness of the creative style and the personality of Khan-Girey. On the other hand, the striking diversity of the images of Ottoman state in Khan-Girey’s writings reflects the multiple layers of his ethnic, clan, religious, civic (as a subject of the Russian Empire), professional (being in the service of the Russian Empire), and social class identities. All this is to be understood in the light of the fact that many of his relatives descended from the clan of the Gireys, the ruling dynasty of the Crimean Khanate that had settled in Circassia and faithfully served the Ottoman sultans. Khan-Girey perceived the modern Ottoman history and its key characters not only through the prism of his own political experience, but also through his dream of becoming an administrator and reformer of Russia’s Caucasus.

Keywords: *Circassian (Adyge), Turkey, Ottoman Empire, Khan-Girey, identity.*

Выдающийся представитель черкесской интеллектуальной элиты первой пол. XIX в. Султан Хан-Гирей (1808 – 1842), разносторонняя деятельность которого охватывала сферы науки, литературы и политики, оставил после себя обширное творческое наследие. Его работы, испытавшие на себе влияние русской исторической школы и литературных традиций русского романтизма, не только несут на себе отпечаток этнического своеобразия черкесского мира, но и нередко пронизаны колоритом Востока, востребованным русскоязычным читателем, на которого, собственно, и были ориентированы труды Хан-Гирея.

Все основные вехи его короткой, но исключительно яркой жизни оказались прочно связаны с Россией, в которой он совершил стремительную карьеру, в 1832 г. возглавив Кавказско-горский полуэскадрон – элитное гвардейское подразделение, входившее в состав конвоя российского императора Николая I.

В 1837 г., в преддверии визита царя на Кавказ, Хан-Гирей был отправлен в этот лишь номинально зависимый от России регион¹ с ответственным поручением – подготовить свободолюбивые и воинственные кавказские народы (прежде всего – западных черкесов) к добровольному изъявлению покорности в присутствии императора. Провал этой заведомо невыполнимой миссии стал причиной царской опалы, сломавшей доселе блестящую карьеру Хан-Гирея, и в итоге привел его в отставку, косвенно став причиной и его ранней кончины в возрасте 34 лет.

Труды Хан-Гирея столь же удивительны и многогранны, как и его необычная для черкесов того времени биография. Еще при жизни он приобрел славу «*Le Caramsine de la Circassie*»

¹ Напомним, что согласно Адрианопольскому договору 1829 г., завершившему очередную Русско-османскую войну, Османская империя отказалась в пользу России от своих прав на Черноморское побережье Кавказа. Однако эти «права», никогда не признаваемые самими черкесами, носили исключительно виртуальный характер. «Эта уступка имела значение на одной бумаге – на деле Россия могла завладеть уступленным ей пространством не иначе как силой», – писал один из современников этих событий [Торнау: 41].

(черкесского Карамзина)². Так назвал его император Николай I, прочитав созданные по его высочайшему заказу «Записки о Черкесии» – энциклопедическое историко-этнографическое исследование черкесского (адыгского) народа, не имевшее аналогов в кавказоведении первой половины XIX в. Сознававший значимость фольклорных источников для подобного рода исследований, Хан-Гирей создал черкесскую письменность на русской (кириллической) графической основе, посредством которой он успешно фиксировал тексты старинных песен и сказаний, впоследствии использованные им для написания как «Записок о Черкесии», так и других своих трудов. В числе последних – основанные на фольклорном материале повести «Черкесские предания», «Князь Канбулат» и «Наезд Кунчука», историко-этнографические обзоры «Вера, нравы, обычаи, образ жизни черкесов» и «Мифология черкесских народов», а также серия жизнеописательных очерков, героями которых являются шапсугский³ дворянин Бесленей Абат, бжедугский князь Пшекуй Ахеджаков и отец Хан-Гирея Магомет-Гирей.

Сознавая неизбежность прочного утверждения России на Кавказе, Хан-Гирей искренне надеялся, что преимущества «гражданственного» состояния черкесского народа перевесят все издержки этого противоречивого и крайне болезненного процесса – утрату политической независимости и разрушение устоявшихся социальных отношений. В 1836 – 1838 гг. Хан-Гирей написал несколько проектов, в которых подробно изложил свое видение кавказской политики России, делая при этом особый акцент на необходимости мирных методов присоединения черкесов и выражая уверенность в последующем «процветании» его народа под эгидой сильной державы.

Однако, так и оставшись неуслышанным военно-политическим руководством империи (это игнорирование стало еще более

² Карамзин Н.М. – выдающийся российский историк, литератор и журналист. Автор многотомного труда «История государства Российского», оказавшего значительное влияние на формирование исторического самосознания российского общества начала XIX в.

³ Бжедуги, шапсуги и нижеупомянутые жанинцы – локальные (субэтнические) группы черкесов.

заметным после неудачного исхода кавказской миссии 1837 г.), утратив последние надежды на мирное разрешение черкесской проблемы, Хан-Гирей в 1841 г. выходит в отставку и навсегда покидает Петербург.

Будучи изначально совестливым человеком, Хан-Гирей не смог равнодушно смотреть на трагедию, происходящую с его народом. Ведь именно на рубеже 1830-1840-х гг. происходит резкий поворот России к исключительно агрессивным методам покорения западных черкесов. Будучи военным профессионалом и много лет проведя в России, Хан-Гирей более, чем кто-либо, мог трезво оценить экономический и военный потенциал империи. Предвидя трагический исход черкесской драмы и возложив на себя груз моральной ответственности за происходящее, Хан-Гирей оказался обречен на мучительные душевные терзания, ускорившие его безвременную кончину...

Отголоски этих метаний Хан-Гирея отчетливо слышны в его последних трудах. Однако их общий настрой – надежда на благотворное влияние российской культуры на черкесское общество – остается неизменным. Примечательно, что, несмотря на в целом пророссийское содержание его произведений, Османская империя⁴ всегда занимала в них особое место (по частоте упоминания уступая только России, разумеется), что объяснимо как личными мотивами Хан-Гирея, так и той объективно значимой ролью, что столетиями играло это могущественное мусульманское государство на Кавказе в целом и, в частности, в Черкесии.

Прежде всего, следует отметить, что семья Хан-Гирея возводила свою генеалогию к Гиреям – правителям Крымского ханства. Многие представители этого ханского рода в разное время и по разным причинам находили пристанище в Черкесии. Например, будучи по обычаю аталычества воспитаны местными

⁴ Как мы увидим ниже, Хан-Гирей, писавший на русском языке и для российского читателя, в качестве эквивалента «Османской империи» использовал принятый в русской лексике политоним «Турция», а под «турками» понимал всех подданных султана. По этой же причине и официальный язык империи (османский) в его трудах именуется турецким, а столица империи – Константинополем.

князьями, и не имея возможности вернуться домой по достижении совершеннолетия (либо утратив трон уже по возвращении) в силу ожесточенной внутриклановой борьбы в Крыму, они оставались в Черкесии, пополняя сословие хануко (султанов). Другие Гирей, изначально не имея шансов на престол, добровольно покидали Бахчисарай и, успешно используя свое высокое происхождение как властный ресурс, внедрялись в структуру правящего класса соседних народов. Видимо, именно это и произошло с Ислам-Гиреем, «потомком одного из Крымских ханов, которого изменчивая судьба двукратно взводила на престол Крымский», являвшимся основателем бжедугской ветви Гиреев и прямым предком Хан-Гирея [Султан Хан-Гирей: 581].

Однако, несмотря на почет, которым были окружены хануко в силу их высокого происхождения, они, тем не менее, воспринимались как чужеродный элемент в политическом поле Черкесии, и реальный статус каждого из них зависел только от наличия у него качеств, обязательных для черкесского аристократа. При отсутствии же воинского искусства, щедрости, ораторского дара, политического опыта, знания этикетных тонкостей, хануко, как писал Хан-Гирей, «по необходимости должны были оставаться под тенью оскорбительной снисходительности черкесских князей тех племен, в которых они жили» [Султан Хан-Гирей: 582].

В силу этого, для черкесских Гиреев более, чем для кого-либо иного, была актуальной проблема поиска реальной опоры – внешнего патрона, в качестве которого на протяжении многих поколений традиционно выступала Османская империя, серьезную конкуренцию которой, по мере усиления своих позиций на Кавказе, стала составлять Россия.

Подобная особая уязвимость положения хануко делала вполне ожидаемой смену ими политической ориентации в случае изменения расстановки внешних сил.

Не случайно, что дед Хан-Гирея, Аслан-Гирей, состоявший на османской военной службе и погибший в 1790 г. при осаде русскими войсками османской крепости Анапа, оставил «духовное завещание», фактически предписав своим сыновьям Магомет-Гирею и Каплан-Гирею перейти на сторону сильнейшего

– «принять русское подданство в случае, если будет взята Анапа русскими» [Султан Довлет-Гирей], что те впоследствии и исполнили.

Тем не менее, Магомет-Гирею пришлось делать и самостоятельный выбор. Около 1816 г., когда он со своими подвластными уже жил на правом (российском) берегу Кубани, Магомет-Гирей получил предложение от султана Османской империи стать его полномочным представителем на Северо-Западном Кавказе (в переводе на русский делопроизводственный язык это звучало как «вернуться за Кубань и принять начальствование над всеми закубанскими народами») [Косвен: 184], что сопровождалось присвоением высокого звания (об этом свидетельствует само название жизнеописательного очерка, который Хан-Гирей посвятил своему отцу – «Сераскир Султан Мугаммед-Гирей»). Однако, сознавая, что в специфических условиях Черкесии перенесение на Северо-Западный Кавказ османских традиций централизованной власти нереально, Магомет-Гирей ответил отказом на предложение султанского правительства, окончательно отдав предпочтение российской службе. Однако сам факт подобной альтернативы, в свое время стоявшей перед его отцом, впоследствии стал причиной доброжелательного отношения Хан-Гирея к Османской империи [Жемухов: 8]. Вероятно, что Хан-Гирей, как отметил один из его биографов, осознавал, что при ином стечении обстоятельств его карьера могла бы приобрести совершенно иной вид [Жемухов: 8]. И действительно, родись Хан-Гирей чуть раньше, или приди Россия на Кавказ чуть позже, подобная дилемма могла бы стоять и перед ним. И не исключено, что свои многочисленные таланты он направил бы на службу Османскому государству, под эгидой которого осуществлял бы свои проекты по политическому переустройству черкесского общества.

В силу этого, стоит ли удивляться, что Хан-Гирей столько страниц уделяет образу как державы Османов, так и ее представителей, сыгравших значимую роль как в истории Черкесии, так и в судьбе его семьи. Последнюю он изложил в биографическом очерке «Сераскир Султан Мугаммед-Гирей»,

начальными страницами которого мы располагаем [Султан Хан-Гирей: 581-583].

Сохранившийся фрагмент текста обрывается на жизнеописании деда автора, Аслан-Гирея. С чувством законной гордости Хан-Гирей пишет, что «Султан Аслан-Гирей пользовался в своем кругу большим уважением как храбрый воин, умный и степенный человек. Он посетил Румелию, был и в Константинополе, где его приняли с большою внимательностию, даже представляли повелителю правоверных, а эту честь редко уже кому оказывали. Из Константинопольского Казнохранилища, т.е., оружейной палаты, подаренные ему вещи доселе хранятся у его внуков» [Султан Хан-Гирей: 583] (т.е., скорее всего, у самого Хан-Гирея, как у старшего из оставшихся в живых к тому времени внуков Аслан-Гирея).

Отдавая должное эпохе его прямых предков, Хан-Гирей все же гораздо больше внимания уделяет современной ему Османской империи. Хорошо зная государственный язык этой страны, он мог, вероятно, изучать ее историю по османским источникам.

Хан-Гирей выражает восхищение деятельностью неоднократно упоминаемого им просвещенного монарха Махмуда II, в период правления которого был осуществлен ряд кардинальных реформ в сфере государственного управления, армии, права, культуры и образования. По Хан-Гирею, Османская империя в предшествующий период находилась на грани гибели: «турецкое правительство, давно уже потерявшее свое могущественное положение среди других европейских держав, разлагающееся внутри и унижаемое извне» [Султан Хан-Гирей: 528], было не в состоянии остановить деградацию страны. Одной из причин, сковывавшей попытки какого-либо прогресса, являлся консерватизм янычарского корпуса, и только после «истребления этого грозно-мятежного войска», «правительство турецкое, измученное поучительными для государей и государств бедствиями, порожденными своевољством янычар <...> сделало первый шаг после продолжительного сна бездействий к благому просвещению» [Султан Хан-Гирей: 124]. Естественно, что главным движителем, пробудившим «деятельность турецкого правительства, так долго дремавшую», была «твердая решимость

Махмуда» [Султан Хан-Гирей: 488]. Хан-Гирей отводит этому султану особое место в ряду правителей Османской империи, называя его «преобразователем», «которого, может быть, история назовет Великим, как начинателя великого дела просвещения страны, богато наделенной от природы, но страдавшей под игом невежества» [Султан Хан-Гирей: 529].

Примечательно, что Хан-Гирей, судя по всему, хорошо знавший драматические перипетии правления Махмуда II, недвусмысленно отсылает читателей «Черкесских преданий» к поворотному пункту его царственной биографии, когда обращается к эпохе начального распространения ислама на Северо-Западном Кавказе. В одном из эпизодов этой повести мусульманский имам жанинцев, будучи приглашен на годовичные поминки, проводимые княжеской семьей по традиционным канонам, «хотя проклинал и ненавидел языческие обряды, но находил в законах, как улемы знаменитого Махмуда, сообразные с желанием князя толкования», и был вынужден лицемерно «благословить торжество язычников» [Султан Хан-Гирей: 332]. Напомним, что богословы и законоведы, осуждавшие султана Махмуда II за «безбожные» реформы, привносившие светские элементы в жизнь османских подданных, были, тем не менее, вынуждены в 1826 г. благословить уничтожение янычарского корпуса, мятеж которого подрывал основы государственной власти.

Реформаторская деятельность Махмуда II активизировала и внешнюю политику страны, в том числе и на кавказском направлении, что также нашло отражение в трудах Хан-Гирея.

Описывая состояние османско-черкесских отношений в период, предшествующий правлению султана Махмуда II, Хан-Гирей отмечает, что «политическое влияние Турции <...> было ничтожно: одни духовные идеи были причиной того, что черкесы вообще, как единоверцы с турками, признавали главенство наместника Пророка; но это было только на словах, а на самом деле они не оказывали его власти ни малейшей покорности» [Султан Хан-Гирей: 528].

Ситуацию удалось изменить незаурядному османскому администратору хаджи-Хасан-паше, присланному на Северо-

Западный Кавказ незадолго до начала русско-османской войны 1828-1829 гг., которая «решила навсегда участь Черкесии» [Султан Хан-Гирей: 125] и окончательно похоронила надежды Стамбула на восстановление своих позиций в регионе.

Образ Хасан-паши неоднократно фигурирует в трудах Хан-Гирея: в «Записках о Черкесии» и беллетризованных биографиях Бесленея Абата и Пшекуя Ахеджакова. Хан-Гирей, будучи современником паши, не был с ним знаком, но, собирая информацию для своих историко-этнографических и литературных трудов, не мог пройти мимо столь колоритной личности, о деятельности которой у «черкесов, знавших сераскира лично и по слухам» [Султан Хан-Гирей: 530] сохранилось много подробных рассказов.

Вероятно, для Хан-Гирея имело особое значение, что фактически Хасан-паша принял на себя ту самую миссию, от исполнения которой в свое время прозорливо отказался, как от бесперспективного дела, его отец Магомет-Гирей.

Первостепенной своей задачей Хасан-паша считал укрепление позиций мусульманского вероучения и шариатского права у черкесов, опираясь на которые османы в дальнейшем могли бы значительно усилить и свое политическое влияние на Северо-Западном Кавказе.

Однако на деле миссионерская активность паши привела к тому, что эгалитарные тенденции, четко обозначившиеся у западных черкесов еще в эпоху демократического переворота рубежа XVIII – XIX вв., получили свое дальнейшее развитие под влиянием исламской доктрины всеобщего равенства. В итоге, главным следствием деятельности Хасан-паши стало разрушение социального равновесия и провоцирование межсословного конфликта в княжеских уделах Западной Черкесии (особенно – в Бжедугии).

Несмотря на провал стратегических планов паши (которые, впрочем, ничем иным закончиться и не могли), для Хан-Гирея хаджи-Хасан – в определенной степени пример для подражания. Его достоинства еще более заметны на фоне стереотипно негативных образов «турецких сановников, всегда погруженных в лень и беспечность» [Султан Хан-Гирей: 530]. Упомянем и

контрастирующую с Хасан-пашой фигуру османского наместника в Азове, выведенного Хан-Гиреем в «Наезде Кунчука», попирающего законы морали и похищающего чужую невесту [Султан Хан-Гирей: 459-466]. Хасан-паша – блестящий администратор, наделенный всеми качествами успешного управленца, каковым когда-нибудь надеялся стать и сам Хан-Гирей – напомним, что в заключительной главе «Записок о Черкесии» он предлагает введение поста «Попечителя над просвещением и образованием черкесского народа и водворения между ними спокойствия кроткими мерами», который он, похоже, предназначал для себя самого [Султан Хан-Гирей: 288].

Особую симпатию Хан-Гирея вызывают разделяемый им самим интерес паши к фольклору черкесов и осознание хаджи-Хасаном того факта, что «древние песни и предания» «должны иметь сильное влияние на дух воинственного народа, лишенного писаной истории» [Султан Хан-Гирей: 531].

В биографических очерках Хан-Гирей описывает традиционную для османского правительства двуличную политику заигрывания с черкесами, неизменными составляющими которой были откровенный подкуп наиболее влиятельных лидеров и нереализуемые обещания поддержки Черкесии в ее противостоянии с Россией. «Осыпали его богатыми подарками и отпустили, уверив в особенно милостивом расположении падишаха к черкесским племенам», – пишет Хан-Гирей о поездке в Стамбул князя Пшекуя Ахеджакова [Султан Хан-Гирей: 533]. Итог миссии Бесленея Абата был столь же безуспешен: «Депутация была принята в Константинополе весьма ласково и отправилась обратно, осыпанная подарками и обещаниями» [Султан Хан-Гирей: 489]. При этом слабость Порты была уже хорошо понятна наиболее прозорливым из черкесских посланников: «Абат выехал из Константинополя уже без надежды на Турцию» [Султан Хан-Гирей: 489].

Немаловажно, что для черкесских предводителей эти поездки были способом накопления политического опыта, который затем мог использоваться на родине. Не случайно, что уже после кончины Бесленея Абата западные черкесы обратились к идеям этого незаурядного политика, «имевшего случай расширить круг

своих понятий в поездках своих в Турцию и Египет» – о необходимости совершенствования внутреннего управления и усиления исполнительной власти [Карлгоф: 542-544].

В трудах Хан-Гирея складывается противоречивый и многоликий образ Османской империи, отчасти обусловленный внутренним конфликтом между конфессиональной составляющей его идентичности и российским подданством. Для убежденного мусульманина Хан-Гирея держава Османов – почитаемая страна, сердце ислама, местопребывание халифа всех правоверных. Несмотря на едва ли не поголовное невежество подданных султана, османский язык является главным каналом просвещения, через посредство которого, в частности, черкесы воспринимают мусульманскую модель мира, причем в силу близкого соседства и регулярных контактов с османами язык последних даже превалирует в этом отношении над арабским, а в качестве средства коммуникации с внешним миром османский язык вообще остается вне конкуренции. Хан-Гирей не раз отмечает наличие в Черкесии слоя «образованных черкесов», владеющих этими языками (что, собственно, и является первейшим показателем образованности). Не случайно, что в проекте «нового порядка управления» им предусматривается открытие учебных заведений для черкесов, в которых основы мусульманского вероучения должны преподаваться на османском и арабском языках [Султан Хан-Гирей: 284].

В целом, по Хан-Гирею, для которого характерно отрицание самодостаточности традиционной черкесской культуры, османы – более цивилизованная нация, которая, наряду с русскими, осуществляет культуртрегерскую миссию по отношению к народам Кавказа.

По Хан-Гирею, цитирующему тезис русского историка А.И. Левшина о взаимосвязи уровня просвещения народа и «степени искусств» [Левшин: 210], есть, пожалуй, лишь несколько сфер, в которых черкесы не уступают и даже превосходят своих соседей: «Оружейники, золотых дел мастера и ткачихи производят превосходные изделия, в которых видно особенное их искусство, во многом достигающее высокого совершенства. В Персии и Турции и в других местах Азии вы найдете оружия более богатые,

нежели в Черкесии, но с таким прекрасным вкусом обработанных там не увидите <...> Серебряные изделия достойны удивления по прочности и чистоте отделки. Чернь и позолота, с величайшим искусством на них наводимые, превосходны в полном смысле этого слова, и, что важнее всего, эта чернь и эта позолота почти никогда не сходят» [Султан Хан-Гирей: 224-225].

Будущее османско-черкесских отношений для Хан-Гирея совершенно ясно: согласно его проектам, Черкесия, ставшая частью Российской империи, но получившая определенное самоуправление и полная «источников народного богатства», сохранит статус торгового партнера державы Османов. Предвидимый Хан-Гиреем успех этого предприятия доказывается значительным опытом торговых связей черкесов и османов. А «с водворением благодетельной тишины в земле черкесов, в земле прекрасной, изобильной предметами торговых оборотов, конечно, и торговля закипит и процветет» в силу «мудрого устройства порядка и управления» [Султан Хан-Гирей: 228], что сделает ее «одной из богатейших провинций южной России» [Султан Хан-Гирей: 317].

Что же касается идеологического влияния Османской империи, то оно будет сведено к минимуму, поскольку сфера религии будет находиться в руках лояльных к российской власти священнослужителей; к тому же, полная свобода мусульманского вероисповедания в России вырвет из рук ее недругов повод для политических спекуляций внешних сил.

Стоит ли говорить, что эта благостная картина, созданная воображением Хан-Гирея в 1836 г., так и осталась на страницах запрещенных к изданию «Записок о Черкесии», а реализованы были иные планы, в это же время вызревавшие в сознании российских генералов...

Как видим, образ Османской империи, присутствующий в трудах Хан-Гирея, неоднозначен и противоречив, отражая особенности мышления самого автора, в сознании которого воедино сплелись идентичности этническая и религиозная, фамильно-клановая и гражданская (общероссийская), служебная и сословная [Губжоков: 299].

У каждой из этих ипостасей был свой образ державы Османов – могущественного покровителя и вечного врага, святой земли и средоточия двуличных политиков, земного рая и источника чуждой христианству религии, страны высокой культуры и обиталища алчных сановников.

Эта уникальная и неразделимая многоликость, сделав труды Хан-Гирея столь убедительными и увлекательными, в то же время стала причиной его злоключений.

Сама окружающая реальность, всегда стремящаяся к максимальной простоте, не приняла эту сложную, мятущуюся фигуру, фактически сделав ее маргинальной и предопределив ее трагическую дисгармонию и со временем, которое Хан-Гирей намного опередил, и, в конечном счете, с самой жизнью...

Примечания:

Губжоков М.Н., Хан-Гиреем «невоспетые» герои: к интеллектуальной истории адыгов XIX века // Актуальные проблемы истории и этнографии народов Кавказа: Сборник статей к 60-летию В.Х. Кажарова. – Нальчик: Изд-во КБИГИ, 2009. – С. 294-309.

Жемухов С.Н., Мировоззрение Хан-Гирея. – Нальчик, 1997. – 119 с.

Карлгоф Н., О политическом устройстве черкесских племен, населяющих северо-восточный берег Черного моря // Русский вестник. – 1860. – Т. 28, № 16. – С. 517-550.

Косвен М.О., Адыгейский историк и этнограф Хан-Гирей // Косвен М.О. Этнография и история Кавказа. – М.: Изд-во восточ. лит., 1961. – С. 184-208.

Левшин А.И., Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. Ч. III. – СПб., 1832.

Султан Довлет-Гирей. Автобиографическая запись // Фонд Ибрагима Наврузова. Т.3 // Архив Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева. Фонд ценных материалов.

Султан Хан-Гирей. Избранные труды и документы / Составление, подготовка текстов, научное редактирование, комментарии М.Н. Губжокова. – Майкоп: Полиграф-ЮГ, 2009. – 672 с.

Торнау Ф.Ф., Воспоминания кавказского офицера // Секретная миссия в Черкесии русского разведчика Ф.Ф. Торнау. – Нальчик: Эль-Фа, 1999. – С. 39-414.